Всеобщая история

УДК 942.055; 316.485.2 DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-9-20

Участие сословий в принятии аграрного законодательства в тюдоровской Англии середины XVI – начала XVII века

В. П. Митрофанов

Пензенский государственный университет Пенза, Россия

Аннотация

Рассматривается участие представителей сословий английского общества XVI в. в принятии парламентом законов в отношении огораживания пахотных земель. Прослеживается влияние депутатов от дворянства и буржуазии на их содержание. Отмечается косвенное воздействие отдельных иерархов англиканской церкви на их принятие. Высказывается предположение об опосредованном влиянии крестьянства на их содержание в контексте позиции государственной власти, заинтересованной в сохранении полнонадельных крестьянских хозяйств. На парламентских сессиях 1597—1598 и 1601 гг. аграрные билли, подготовленные правительством, были значительно скорректированы коммонерами с учетом специфических интересов джентри отдельных графств. Елизавета I Тюдор проявила политическую гибкость в этом вопросе, сохранив баланс интересов сословий и государства в аграрных статутах.

Ключевые слова

Англия, дворянство, крестьяне, духовенство, статуты, парламент, Палата общин, огораживания, Берли, Ф. Бэкон

Для цитирования

Митрофанов В. П. Участие сословий в принятии аграрного законодательства в тюдоровской Англии середины XVI – начала XVII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-9-20

The Participation of Estates in the Adoption of Agricultural Legislation in Tudor England of the Mid-16th – Early 17th Century

V. P. Mitrofanov

Penza State University Penza, Russian Federation

Abstract

On the basis of parliamentary documents of the Tudor era the author attempts to find out the degree of participation of both direct and indirect representatives of the nobility, clergy and peasantry in the adoption of laws by parliament regarding enclosures. Analysis of the debates in the parliaments makes it possible to trace the position of the English nobility and the bourgeoisie regarding the process of enclosing the arable land of peasants. The estate of the nobility, with the support of deputies from the bourgeoisie, in fact, was able to significantly influence the content of agrarian bills. The agrarian bills prepared in government circles were significantly adjusted by the commoners, taking into account the specific interests of the gentry of individual counties. The position of the Anglican clergy boiled down to supporting the government's point of view regarding the conversion of plowing to pasture. The peasantry declared their attitude to the process of enclosures both by sending complaints to the Privy Council, lawsuits in courts, as well as open social protests. As a result, it is noted that Elizabeth I Tudor, when adopting agrarian laws by parliament, showed political flexibility and repeatedly made concessions to the interests of the nobility. In the last parliament, her

© В. П. Митрофанов, 2021

cabinet managed to reach a consensus of interests of the estates in the agrarian sphere. The results of the study allow us to better understand the mechanism of functioning of the absolute monarchy while maintaining the estate-representative body of power.

Keywords

England, nobility, peasants, clergy, statutes, parliament, House of commons, fencing, Burleigh, F. Bacon For citation

Mitrofanov V. P. The Participation of Estates in the Adoption of Agricultural Legislation in Tudor England of the Mid-16th – Early 17th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 1: History, p. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-9-20

В истории Англии середины XVI — начала XVII в., как известно, парламентом принималось немало законов, в том числе для регулирования процесса огораживаний и решения проблемы пауперизма [Thirsk, 1967; Overton, 1996. Р. 4, 49, 133, 147–167; Mitrofanov, Aleshina, 2017. С. 65–67; Штокмар, 1962. С. 3–21; Митрофанов, 2020]. Во многом они были реакцией правительства на негативные экономические и социальные последствия конверсии пахотных земель в пастбища и эвикцию крестьян, которые считались важной социальной опорой государства.

Согласно сложившейся процедуре принятия парламентом статутов, законопроекты (билли) вносили представители королевской власти, а именно члены Тайного совета. Предварительно содержание биллей всегда обсуждалось ими с монархом. Однако современные историки не акцентировали внимание на том, в какой мере билли сохраняли свое первоначальное содержание, выработанное в узком кругу королевского двора, и вносил ли парламент изменения и дополнения в них. Соответственно не ставился и вопрос о том, в какой мере аграрные билли учитывали интересы крестьян и представителей других сословий. А значит, без ответа оставался вопрос о возможном влиянии представителей разных сословий на принятие аграрного законодательства в условиях абсолютной монархии.

Известно, что процесс огораживания пахотных земель в данный период был не менее значительным, чем в первой половине XVI в. Особенно это отмечается в период с 1593 по 1597 г., когда не действовал елизаветинский закон 1563 г. о запрещении конверсии пахоты в пастбища, что хронологически совпало с неурожайными 1594–1597 гг., сопровождавшимися вспышками социальных протестов крестьян [Mitrofanov, Aleshina, 2018]. Зная о действовавших законах, запрещавших конверсию пахоты в пастбища, эвикцию крестьян и ограничение поголовья овец у лендлордов, крестьяне обращались с жалобами в суды, а также в Тайный совет (АРС, 1896. Р. 76–77, 309; 1897. Р. 122, 201, 305, 356, 425–426; 1900. Р. 160). Чаяния крестьянства в отношении огораживаний пахоты правительство хорошо знало не только из их жалоб, но и из материалов судов и правительственных комиссий по расследованию огораживаний 1549, 1565 гг. [Семенов, 1949. С. 144–151, 281–283].

Началом законотворчества против конверсии пахоты в пастбища данного периода можно считать статут Эдуарда VI Тюдора от 1553 г. «О поддержке и расширении пахоты» (SR, 1819. 5–6 Edw. VI, Cap. 5). В доступных нам источниках не сохранилось сведений о предложениях крестьян, джентри, представителей духовенства на стадии подготовки и принятия статута. Однако можно предположить, что его кабинет имел в своем распоряжении подобные данные, а также данные судов по незаконным огораживаниям. Об этом свидетельствует уже преамбула статута, где отмечается значительное сокращение пахотной земли в королевстве из-за ее конверсии в пастбища (SR, 1819. 5–6 Edw. VI, Cap. 5). «Vox populi», в частности, крестьян звучит в пункте статута, требовавшем восстанавливать под пахоту не только 20-акровые пахотные наделы крестьян, но все ранее конвертированные пахотные земли независимо от их размеров. Это было несомненным достоинством данного закона и, вполне вероятно, одним из последствий восстания Р. Кета в 1549 г. Однако, как отметил В. Ф. Семенов, данный закон не был проведен в жизнь по причине того, что правительство не разработало меры по его претворению в жизнь [Семенов, 1949. С. 340–342].

В период правления Марии Тюдор в 1555 г. был принят очередной статут в отношении огораживаний (SR, 1819. 2 and 3 Phil. and Mary Cap. 2). О степени участия сословий в его подготовке также нет прямых данных в источниках. Но его содержание дает основание полагать, что «глас крестьянства» все же был услышан центральной властью, например, в предоставлении полномочий королевским комиссарам регулировать случаи реконверсии пастбищ в пахоту, а также полномочий правительственным комиссарам сдавать крестьянам реконвертированные земли в аренду на семь лет (SR, 1819. Phil. and Mary, Cap. 2). А положение статута, предписывавшее возвращать под пахоту ранее конвертированные земли крестьянам не в прежнем месте, а в каком-либо другом, вполне вероятно, было результатом давления на законодателей со стороны джентри, так как это давало возможность лендлордам-огораживателям сохранять под пастбищами лучшие земли, а крестьянам возвращать худшие.

В период правления Елизаветы I Тюдор в 1563 г. был принят один из центральных законов в отношении огораживаний. В парламенте он прошел быстро и без затруднений. Судя по записям дебатов в Палате общин в «Журналах» Д'Юэза, никаких возражений со стороны коммонеров не было (Journal by D'Ewes, 1693. P. 70-73, 89, 91). Его содержание свидетельствует, что он готовился в правительственных кругах и имел целью предотвратить массовый сгон крестьян с их пахотных наделов. Сохранение принципа охраны лишь 20-акровых участков пахоты, ставших таковыми с 1509 г., говорит о том, что правительство учло интересы тех крестьян, которые постепенно лишались своих пахотных наделов и к моменту принятия парламентом закона имели уже менее 20 акров пахотной земли. Но и интересы джентри тоже были соблюдены. Так, должностным лицам короны запрещалось вступать на иммунитетную территорию для расследования случаев огораживаний и предписывалось поручать это дело местным бейлифам. Из-под санкций закона исключались все огораживания, произведенные по соглашению сторон. Акт не касался конвертированных участков менее пяти акров под кроличьи садки, расположенные в пределах одной мили от хозяйства и не причиняющие вреда кому-либо другому. Также разрешалось огораживать земли под парки для оленей. Наконец, закон не препятствовал лендлордам огораживать общинные угодья (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 91). Все это довольно существенные уступки дворянству, а значит, их представители в нижней палате парламента сумели их отстоять.

Очевидно, по своему содержанию этот статут в целом устраивал как правительство, так и дворянство. В дальнейшем он продлевался парламентом. В 1571 г. был принят еще один закон «Об улучшении земледелия и развитии флота». Интересно, что билль этого закона рассматривался еще в 1563 г., и, хотя тогда приводилось много аргументов в его пользу (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 86), он так и не был принят парламентом, очевидно, из-за сопротивления коммонеров (CSPD, 1856. No. 17. Р. 222). Можно предположить, что их что-то не устраивало в содержании данного законопроекта. Однако в 1571 г. он прошел в нижней палате парламента и в Палате лордов довольно быстро (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 144, 148, 149, 150, 181, 188). Видимо, королева и тайные советники внесли какие-то коррективы в прежний законопроект с учетом интересов дворянства. Главной целью его было стимулирование землепашества посредством чисто экономической меры, а именно установление невысоких экспортных пошлин на зерно [Штокмар, 1962. С. 143]. В принципе это устраивало торговую буржуазию и дворян, связанных с экспортной торговлей зерном.

На парламентской сессии в 1585 г. правительство сделало шаг назад в политике ограничения огораживаний. Хотя Акт 1563 г. был продлен в очередной раз, но в него включили добавление, согласно которому преследовались лишь огораживания двухлетней давности. Это была явная уступка джентри, вполне возможно, по политическим причинам, т. е. в связи с усилившимся на тот момент противостоянием Англии с Испанией и угрозой со стороны католической оппозиции внутри страны.

В парламентскую сессию 1592/1593 гг., когда встал вопрос о продлении закона 1563 г., представителям дворянства в Палате общин удалось доказать, что он несовершенен, а хлеба в стране много и он дешев, а посему следует снять ограничения на огораживания пахотных земель (Journal by D'Ewes, 1693. P. 484, 488, 491–492, 511). Используя крайнюю нужду короны на тот момент в субсидиях, они активизировались в плане своего требования в отношении огораживаний (Journal by D'Ewes, 1693. P. 494-495, 499-500). Однако прямо за отмену действующего закона 1563 г. в отношении пахоты и закона 1571 г. никто из коммонеров не выступал. Но все же в итоге им удалось добиться отмены наиболее важных статей закона 1563 г., хотя в целом он был продлен (SR, 1819. 39 Eliz. Cap. 7). Последствием этого стало сокращение пахотных земель в результате их конверсии преимущественно в пастбища и, как результат, сокращение производства зерна в стране. В совокупности с неурожайными годами 1594–1597 гг. все это вызвало резкий рост цен на зерно и даже голод [Appleby, 1978. P. 113– 154]. Об этом сообщалось в столицу с мест. Например, декан Даремского собора У. Джеймс писал лорду-казначею Берли о бедственном положении крестьян в северных графствах и в Нортгемптоншире, о запустении целых деревень и т. д. (CSPD, 1896. No. 10. P. 347; No. 11. P. 348).

Реакция крестьян на сложившуюся ситуацию выразилась в жалобах в Тайный совет на упадок земледельческих хозяйств, на их притеснение со стороны джентри и местных властей (АРС, 1903. Р. 4, 55), в усилившихся судебных тяжбах с лендлордами, а также и в открытых социальных протестах [Таwney, 1913. Р. 198; Дмитриева, 1990. С. 12–16]. Волна спекуляций хлебом буквально захлестнула страну, отчего страдали прежде всего бедные слои городского населения (CSPD, 1896. No. 151. Р. 401; No. 10. Р. 107; No. 62; Р. 126; 1867. No. 56. Р. 362). И вновь представители высшего духовенства писали Берли о бедственном положении крестьян из-за огораживаний (НМС Salisb., 1899. Р. 453). Последовали и открытые протесты крестьян и городской бедноты [Маnning, 1988. Р. 55–60, 65–68, 75, 220].

Все это в совокупности заставило правительство Елизаветы I Тюдор вновь подготовить билли об ограничении огораживаний, которые вынесли на обсуждение парламентской сессии 1597-1598 гг. Однако кабинет Елизаветы поступил несколько необычным образом. В нижнюю палату парламента законопроект внес не представитель Тайного совета, как это обычно было, а Френсис Бэкон, бывший в тот момент депутатом от г. Ипсуича и имевший уже опыт парламентария (с 1581 г.). Выступивший сразу после этого представитель правительства Канцлер Казначейства Дж. Фортескью высказался за формирование комитета по рассмотрению вопроса об огораживаниях. Коммонеры в ответ на это сформировали такой комитет в составе всех членов Тайного совета, всех представителей графств и городов и некоторых других лиц. Замысел, очевидно, состоял в том, чтобы в этом комитете выслушать мнение как можно более широкого представительства дворян и горожан. Видимо, было взаимное понимание правительства и коммонеров, что таким образом можно выработать наиболее оптимальный вариант законов об огораживаниях. Кстати, депутат Палаты общин некий мистер Г. Финш предложил, чтобы этот большой комитет рассмотрел бы и билли о пауперах, поэтому эти билли, кроме обсуждения в большом комитете, широко обсуждались как в палате общин, так и в палате лордов [Митрофанов, 2016. С. 55-57]. Однако в таком составе трудно было достичь консенсуса по содержанию биллей, и тогда из большого комитета коммонеры выделили подкомитет для доработки биллей.

Наконец, 14 ноября Ф. Бэкон попросил Палату общин собрать большой комитет для заслушивания скорректированных биллей в подкомитете. 21 ноября новый вариант билля о пахоте был заслушан коммонерами (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 551–552). После этого начались дебаты. Позицию правительства коммонеры подвергли серьезной критике. Потребовалось собрать согласительную комиссию из числа тайных советников и депутатов-дворян от графств, которую возглавил Ф. Бэкон (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 560, 558, 562–563). В ее составе были как сторонники огораживаний, так и их противники. Первые пытались увести

работу комиссии в сторону обсуждения вопроса о пауперизме. Разногласия были столь существенными, что комиссия не смогла прийти к каким-либо конструктивным решениям, и пришлось из ее состава выделить подкомиссию, которой наконец удалось подготовить приемлемые тексты двух биллей по огораживаниям для обсуждения в палате общин.

Содержание дебатов свидетельствует о том, что представители дворянства в палате общин стремились всячески ослабить запретительные статьи и смягчить наказание за незаконные огораживания. Так, например, один из выступивших приводил для этого различные аргументы экономического, политического и морального характера и критиковал лишь отдельные статьи законопроекта, очевидно, понимая, что весь билль отвергнуть будет невозможно. Наряду с защитой огораживаний пахоты, которые, по его мнению, полезны для государства, он критиковал и самих огораживателей-джентри за их «жадность» и «гордость», приводил примеры человеколюбия из Священного Писания и произведений античных авторов (HMC Salisb., 1899. Р. 541-542). Весьма показательна концовка его речи, в которой он прямо заявил, что овцеводы внимательно следят за ходом дебатов по законопроекту об огораживаниях. Однако здесь же представил себя защитником бедных крестьян, заявив, что «Бог поможет пашне, а пашня поможет бедняку» (HMC Salisb., 1899. Р. 543). В итоге своих рассуждений он предложил оставить огороженные земли за их новыми владельцами, но и бедняков, согнанных с их земель, тоже наделить землей, правда, каким образом – оратор не пояснил.

Выступили и открытые сторонники огораживаний, явно представлявшие интересы нового дворянства. В известном Ландсдаунском манускрипте сохранилась запись речи некоего 46-летнего лондонского торговца сукном Генри Джекмана, сына олдермена Лондона, избранного от графства Уилтшир. Он не скрывал своего негативного отношения к биллю в части, касающейся пахоты, заявив, что его цель – «выступить против всего билля, а не только тронуть его мизинцем или дать ему пинка, но поразить его в голову» (цит. по: [Neale, 1958. Р. 341-343]). Основной довод представителей короны о необходимости ограничения огораживаний он опровергал, заявляя, что голод вызван «волей Божьей», т. е. фактически плохими погодными условиями предыдущих лет. Оратор напомнил коммонерам об обстановке в стране в 1593 г., когда были сняты ограничения на огораживания, а именно о том, что «пахоты было в последние годы больше, чем в прежние». Отсюда следовало, по его мнению, что она (пахота. -B.M.) нисколько не сократилась, а следовательно, причина голода иная. В подтверждение своего тезиса об отсутствии связи между голодом и сокращением пахоты он привел пример из истории соседних стран и самой Англии. Другой его аргумент сводился к тому, что если закон будет принят, то произойдет сокращение пастбищ и начнется рост рент на них. Это, в свою очередь, вызовет сокращение поголовья скота, и особенно овец, что станет причиной упадка текстильной промышленности и приведет к росту числа нищих. Рисуя такие мрачные перспективы, оратор рассчитывал, видимо, поколебать сторонников принятия закона угрозой роста пауперизма. Он прекрасно понимал, что проблема пауперизма стояла остро, и на этой же парламентской сессии рассматривались два билля на этот счет. В своей речи коммонер высказался в чисто буржуазном духе: «людей нельзя наказанием принудить (заниматься пахотным земледелием. $-B.\ M.$), но можно увлечь выгодами от какого-либо доброго занятия» (цит. по: [Neale, 1958. Р. 343]). Фактически он заявлял, что если уж огораживания – дело прибыльное, то ими будут заниматься даже под угрозой наказания. Это было, по сути, обращение к центральной власти с целью повлиять на принятие решения в отношении огораживаний пахотных земель в пользу дворянства.

Затем еще раз выступил Ф. Бэкон, призвав коммонеров побыстрее закончить дебаты и принять закон. Билль передали в подкомитет на доработку, а затем он вновь поступил в Палату общин, но уже в измененном виде. Если в первоначальном варианте его юридическое действие было рассчитано на территорию всего королевства, то теперь он ограничивался 23 графствами. Дж. Терск рассматривала это как результат активного вмешательства представителей дворянства ряда графств, хорошо знавших их хозяйственные особенности. Они-то и сумели убедить членов подкомитета в необходимости учитывать их мнение [Thirsk, 1967. P. 230].

Точка зрения противников билля отражена в анонимных «Замечаниях на акты о земледелии и пахоту». В документе говорилось, что недовольство отдельными положениями закона неизбежно, но это компенсируется его всеобщей пользой. Указывалось на нарушения, произошедшие до 1558 г. (т. е. до воцарения Елизаветы I Тюдор. – В. М.). Отмечалось также, что закон должен не наказывать за нарушения (т. е. огораживания. – B. M.), но предоставлять время и возможность их исправить посредством реконверсии пастбищ под угрозой наказания. Предлагалось при переработке законопроекта учесть все прежние законы против огораживаний, в особенности пункты о давности нарушений (т. е. произведенных ранее огораживаний пахоты. – В. М.). Однако наряду с критикой билля назывался ряд причин, в силу которых оба законопроекта об огораживаниях и пахоте надлежало принять. В их числе указывалось на значительное обнищание народа, концентрацию богатств в руках немногих. Предоставление людям возможности заниматься земледелием ликвидирует праздность, пьянство и т. п., сократит численность пауперов. Напоминалось также, что из-за сокращения пахоты усиливается бродяжничество, опасное для государства, и все это приводит к зависимости королевства от поставок импортного зерна. Следствием этого может стать противодействие зарубежных стран экспорту английского сукна в случае, если его станут вывозить в большем объеме (HMC Salisb., 1923. Р. 27). Скорее всего, в этой части «записки» было отражено мнение правительственных кругов в отношении билля. Сама же «Записка», возможно, была компромиссом между парламентариями, отстаивающими интересы дворянства, и елизаветинским правительством.

В ходе дальнейших дебатов по этим биллям, при их третьем чтении, выступил делегат от Девоншира юрист Джон Харрис. Сконцентрировавшись на критике одного из них (акт «О поддержке земледелия и пахоты». -B.M.), он отметил, что недостатки в нем неизбежны, но все-таки счел возможным его принятие парламентом. Он предложил, чтобы этот акт распространялся только на половину графств Англии и Уэльса. Добивался коммонер и исключения своего графства из-под действия этого закона [Neale, 1958. Р. 343–344]. Его поддержал представитель дворянства Герефордшира Томас Кониксби [Ibid. P. 344]. Фактически их выступления были своего рода сигналом для других депутатов нижней палаты в отстаивании интересов джентри-огораживателей своих графств. Так, например, представитель от Шропшира Роберт Барри добивался исключения своего графства на том основании, что территория лесистая, специализируется оно на выращивании быков и производстве мясомолочной продукции, а поэтому включение графства в закон вызовет более сильный голод среди местного населения, «чем тот недавний голод» (т. е. голод 1594-1597 гг. – В. М.). А Кониксби напомнил коммонерам, что в Шропшире за один ярмарочный день продается масла и сыра более чем на 10 000 ф. ст. По его мнению, Герефордшир и другие соседние графства должны остаться «молочным хозяйством для всего королевства». Интересно, что позицию Р. Барри по недопушению включения Шропшира в билль не одобрили горожане и дворяне самого этого графства [Ibid.]. Значит, им было выгодно все-таки включение Шропшира в законопроект! Это можно объяснить тем, основная часть дворян и горожан этого графства хотели ограничить конверсию пахоты в пастбища, так как сами не занимались огораживаниями и испытывали экономические неудобства от местных огораживателей.

На сессии остро стоял вопрос о включении в закон северных графств Нортумберленда, Уэстморленда и Камберленда. Лорд-казначей Берли еще в начале сессии высказался за их включение в законопроект, ибо «все эти графства больше всего нуждаются в реформе, поскольку не могут прокормить своих жителей, от которых зависит охрана границы» (цит. по: [Neale, 1958. P. 345]). Еще до начала парламентской сессии 1597—1598 гг., 26 мая 1597 г. декан Даремского собора У. Джеймс написал письмо Берли, в котором подробно рассказал о бедствии народа, в частности, отметив, что за предыдущие 20 лет там было уничтожено

свыше 500 «плугов» (ploughs), благодаря чему имелось много крепких семей, способных служить конниками и пехотинцами, но теперь они обеднели. Он отметил дефицит хлеба в этом регионе и писал о зависимости региона от импортного зерна. В результате деньги уплывают за рубеж, во враждебные страны, растет число нищих, болезни. Все это опасно для страны. Епископ призывал принять меры к тому, чтобы это прекратить (CSPD, 1894. No. 55. Р. 420). Берли, таким образом, получил хорошую дополнительную информацию с места. А в разгар дебатов по этому вопросу он получил еще одно письмо от У. Джеймса, из которого следовало, что последний был в курсе хода дебатов в парламенте по этому биллю и что его позиция состояла в сохранении северных графств в законопроекте «О поддержке земледелия и пахоты». Автор письма подчеркивал, что если в других графствах поощрение пахоты означает увеличение запасов хлеба, то здесь (т. е. на севере. – $B.\ M.$) это означает укрепление обороноспособности границ. Он прямо писал: «...если эти графства, которые прежде были заслоном страны, будут опустошены (в результате огораживаний. -B. M.), то королеве придется держать гарнизон в Ньюкастле, как и в Бервике» (CSPD, 1894. No. 36. P. 542-543). Понятно, что это означало бы увеличение расходов казны на укрепление обороноспособности северных границ. Прелат выражал оптимизм, узнав о последнем выступлении лорда Берли в парламенте по этому биллю (CSPD, 1894. No. 36. P. 542-543). Таким образом, в двух письмах, адресованных Берли, представитель высшего англиканского духовенства поддерживал точку зрения правительства в отношении этого законопроекта.

Однако, несмотря на предостережения Берли и других лиц из окружения королевы, отстоять правительственную точку зрения не удалось. Все три северных графства были исключены из текста этого закона. Видимо, это произошло потому, что корона не желала портить отношения с джентри северных графств, заинтересованных в свободе огораживаний, от которых зависело несение службы по охране границы с Шотландией.

В общем, действия представителей джентри в Палате общин отражали как их сословные, так и региональные интересы. Причем последним явно отдали предпочтение при выработке окончательного варианта статута.

Во время обсуждения другого билля - «Акта против упадка селений и земледелия» - ситуация была во многом схожая, так как он обсуждался одновременно с «Актом о поддержке земледелия и пахоты». Его обсуждение также вышло за стены парламента. О содержании этого билля, несомненно, знали джентри и представители духовенства, но не знали крестьяне. В самом парламенте по поводу него пуританский лидер в палате общин Энтони Коп написал У. Сесилю (Берли) обширное письмо о необходимости усовершенствования этого законопроекта (оно также сохранилось в Ландсдаунтском манускрипте. -B. M.). Свои предложения он сформулировал в шести пунктах. Во-первых, он предлагал, чтобы каждое хозяйство земледельца в радиусе двух миль от города имело бы 20 акров земли. Он высказывал опасение, что бедняки могут быть выселены лордами на плохие и отдаленные земли, а это приведет к трудностям в торговле продуктами питания. Во-вторых, предлагал убрать ограничения на общинные угодья и луга, без которых невозможно занятие земледелием. В-третьих, выражал несогласие с тем, что в билле нет ограничений на файны и ренты. Он считал, что усадьбы земледельцев должны быть восстановлены теми, кто их снес или же теми, кто по неведению купил их. В-четвертых, он предлагал обложить огораживателей еженедельными суммами в счет пособия для бедных, «которые силой изгнаны со своих мест и обречены на бродяжничество в поисках пропитания». Закон должен гарантировать им проживание в тех местах, где они родились и проживали. В-пятых, он высказывался за то, что покупка и аренда земель не будет препятствовать их законному использованию под пахоту. Наконец, в-шестых, он предлагал возложить исполнение наказаний по этому закону на разъездных судей. Местные власти должны были регистрировать все нарушения и их исправления, а затем отчитываться об этом дважды в год в Канцлерском суде, чтобы лорд Хранитель мог бы на основе этого предоставить точные сведения королеве и членам Тайного

совета (ТЕD, 1924. Р. 86–88). Как видно, коммонер, хотя и защищал интересы дворянского сословия, но пытался в значительной мере соблюсти интересы государства.

Обсуждение этого билля также проходило с участием многих членов нижней палаты и представителей Короны, а затем в Палате лордов его рассматривал специально созданный комитет из пяти лордов и пяти юристов. В результате лорды составили 31 пункт возражений по нему, которые и передали в Палату общин [Essays by Tawney, 1961. Р. 52]. Потребовалось еще некоторое время для согласования этих пунктов между обеими палатами парламента. В конце концов, консенсус был достигнут, и 23 января 1598 г. акт был принят (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 564).

В парламентскую сессию 1601 г. при обсуждении вопроса о продлении антиогораживательных законов 1597-1598 гг. представитель дворянства в Палате общин некий мистер Джонсон заявил, что «когда принимались статуты, нельзя считать, что рука Бога была на нас», сейчас же хлеб дешев, а это губительно для земледельца, о котором мы заботимся, так как он «главный элемент королевства». После приведения некоторых аргументов он потребовал отмены этих статутов (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 674). А известный пират и поэт Уолтер Рэли, также бывший в ту сессию депутатом в Палате общин, в своем выступлении заметил, что многие бедняки не в состоянии обеспечить себя хлебом и находятся в силу этого под угрозой наказания по этим законам. Видимо, он имел в виду крестьян, занимавшихся овцеводством, для которых это было более выгодным делом, чем земледелие. Все соседние страны, утверждал Рэли, имеют достаточно зерна и готовы продавать его Англии по умеренным ценам. Он ссылался на Нидерланды, особенно на Голландию, где не сеют зерна, но имеют его в изобилии благодаря своей промышленности. А вот испанцы часто нуждаются в зерне, не имея его в изобилии, и «получают его от варваров». Исходя из таких рассуждений, он предлагал предоставить каждому англичанину свободу в выборе направления занятия сельским хозяйством (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 674). Это по сути дела чисто буржуазная точка зрения. Выступивший после этого Ф. Бэкон, привел прежний аргумент о том, что недопустимо сосредоточение богатств государства в руках немногих овцеводов, а земледелец - это хороший пехотинец. Необходимость продления статутов в отношении огораживаний, естественно, поддержал и Р. Сесиль. Он отметил, что в противном случае начнется новое обезлюдение деревень и усилится бродяжничество. Оратор прямо заявил, что те, кто не поддерживает земледелие, наносят вред государству. Интересно, что, доказывая пользу земледелия, он ссылался на «Утопию» Томаса Мора. Опасения лоббистов джентри-огораживателей в Палате общин насчет возможного изобилия зерна и его дешевизны он не разделял и заявлял, что в такие годы его можно экспортировать (Journal by D'Ewes, 1693. P. 674).

Как и в прошлый парламент, была попытка вывести из-под действия закона отдельные графства, в частности Нортумберленд, так как оно очень близко расположено к Шотландии, а там как раз свирепствовала эпидемия чумы (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 674). Это был, конечно, надуманный предлог. Были и другие попытки представителей джентри добиться исключений своих уже произведенных огораживаний, и приводились аргументы в пользу этого. Провели даже голосование за это предложение (176 за и 134 против), что свидетельствует о некоей консолидации представителей джентри в палате общин в поддержку одного из членов своего сословия. Но в итоге правительственная точка зрения все-таки возобладала, и статуты были продлены (Journal by D'Ewes, 1693. Р. 675).

Таким образом, в подготовке принятия в 1597—1598 гг. двух важнейших аграрных законов в отношении конверсии пахотных земель в пастбища фактически участвовало дворянство всех графств. В итоге они добились через своих представителей в нижней палате значительной корректировки законов в свою пользу. Позиция правительства, отчасти отражавшая интересы крестьянства, была поддержана лишь некоторыми коммонерами и Палатой лордов. За пределами парламентских стен она находила поддержку и понимание со стороны англиканского духовенства. Отношение иерархов англиканской церкви к огораживаниям, особенно к огораживаниям с эвикцией крестьян, было отрицательным. По экономическим соображениям

церковь была заинтересована в поддержке крестьянских хозяйств. Не случайно в 1597 г. епископ Дарема Тоби Метью в письме к лорду-казначею Берли заметил, что следует «возобновить статуты о пахоте (очевидно, имелся в виду статут 1563 г. – В. М.) или принять некоторые другие, которые могли бы быть подходящими для этой доброй цели» (HMC Salisb., 1899. Р. 453). Разумеется, крестьянское сословие, не имея своих представителей в Палате общин, не могло повлиять на содержательную часть данных статутов. Вне парламентских стен интересы крестьянства лишь частично поддержали иерархи англиканской церкви, а отстоять их в парламенте могли лишь представители короны. Однако они не были готовы идти на полный запрет конверсии крестьянских пахотных наделов, что было бы явно неприемлемо для нового дворянства, а поэтому в статутах сохранялись довольно значительные уступки в пользу джентри-огораживателей.

В контексте известной дискуссии об абсолютизме [Хеншалл, 2003] проведенное исследование показывает, что в Англии королевская власть прислушивалась к мнению сословий при принятии аграрного законодательства. Более того, сословие дворянства — точнее так называемого нового дворянства, при поддержке депутатов от городов, т. е. буржуазии, фактически смогло существенно повлиять на это законодательство через своих представителей в нижней палате парламента. Парламентские сессии 1592—1593, 1597—1598 и 1601 гг. это наглядно демонстрируют. А на последних двух сессиях аграрные билли, подготовленные в правительственных кругах, были значительно скорректированы коммонерами в интересах нового дворянства и буржуазии, и центральная власть согласилась с этим. Елизавета I Тюдор проявила политическую гибкость при принятии аграрного законодательства, которое хотя и не сразу, а лишь к концу ее правления, но все же, отразило консенсус интересов сословий и государства.

Список литературы

- **Дмитриева О. В.** Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. Спецкурс. М.: Изд-во МГУ, 1990. 99 с.
- **Митрофанов В. П.** Аграрные вопросы в английском парламенте (вторая половина XVI первая треть XVII в.) // Британский парламент вчера и сегодня. М., 2016. С. 55–57.
- **Митрофанов В. П.** Динамика аграрного законодательства в тюдоровской Англии // Изв. высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (53). С. 3–13.
- **Семенов В. Ф.** Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 372 с.
- **Хеншалл Н.** Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
- **Штокмар В. В.** Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л.: ЛГУ, 1962. 154 с.
- **Appleby A. B.** Famine in Tudor and Stuart England. Stanford, California University Press, 1978, 250 p.
- Essays by Tawney Essays in Economic and Social History of Tudor and Stuart England. In Honour of R. H. Tawney. Ed. by F. J. Fisher. Cambridge, University Press, 1961, 235 p.
- **Manning R. B.** Village Revolts. Social Protest and Popular Disturbances in England, 1509–1640. Oxford, Clarendon Press, 1988, 354 p.
- **Mitrofanov V. P., Aleshina E. Y.** English peasants and agrarian policy of the Tudors and the first Stuarts: legislation and peasant mentality through social conflict communication (1550–1640) // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. История. Политология. 2018. Т. 45, № 1 (Март). С. 49–56.

- **Mitrofanov V. P., Aleshina E. Y.** English peasants and agrarian policy of the Tudors and first Stuarts: outlines of enclosure legislation // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. История. Политология. 2017. № 8 (257). С. 65–70.
- Neale J. Elizabeth I and Her Parliaments. London, Cape, 1958, vol. 2, 452 p.
- **Overton M.** Agricultural Revolution in England: The Transformation of the Agrarian Economy, 1500–1850. Cambridge, University Press, 1996, 257 p.
- **Tawney R. H.** Agrarian Problem in the 16th Century. London, New York, Longmans, Green and C^o, 1913, 438 p.
- **Thirsk J.** Enclosures and Engrossing. In: The Agrarian History of England and Wales. Cambridge, 1967, vol. 4, p. 200–255.

Список источников

- APC Great Britain. Privy Council. Acts of The Privy Council of England. Eds. J. R. Dasent et al. London, H. M. Stat. off., 1896, vol. 13, 507 p.; 1897, vol. 14, 450 p.; 1900, vol. 20, 409 p.; 1903, vol. 27, 412 p.
- CSPD Calendar of State Papers. Domestic Series. Eds. M. A. Everett Green et al. London, H. M. Stat. office, 1856, vol. 1, 799 p.; 1867, vol. 3, 699 p.; 1894, vol. 4, 687 p.
- HMC Salisb. Calendar of The Manuscripts of The Most Honourable The Marquess of Salisbury. Preserved at Hatfield House Hertfordshire. Eds. M. S. Gouseppi, J. Mc. N. Lochie et al. London, H. M. Stat. office, 1899, pt. 7, 622 p.; 1923, pt. 14, 426 p.
- Journal by D'Ewes A Compleat Journal of The Notes, Speeches and Debates, Borth of The House of Lords and House of Commons Throughout The Whole Reign of Queen Elizabeth. By D'Ewes. London, 1693, 689 p.
- SR Statutes of The Realm of England. Eds. A. Luders, T. E. Tomplins. London, 1819, vol. 4, 1275 p.
- TED Tudor Economic Documents. Eds. R. H. Tawney, E. Power. London, H. M. Stat. off., 1924, vol. 1, 389 p.

References

- **Appleby A. B.** Famine in Tudor and Stuart England. Stanford, California University Press, 1978, 250 p.
- **Dmitrieva O. V.** Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Anglii v XVI v. Spetskurs [Socio-economic Development of England in the 16th Century. Special Course]. Moscow, MSU Press, 1990, 99 p. (in Russ.)
- Essays in Economic and Social History of Tudor and Stuart England. In Honour of R. H. Tawney. Ed. by F. J. Fisher. Cambridge, University Press, 1961, 235 p.
- **Henshall N.** Mif absolyutizma: peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropeiskoi monarkhii rannego Novogo vremeni [The Myth of Absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy]. St. Petersburg, Aleteiya, 2003, 272 p. (in Russ.)
- **Manning R. B.** Village Revolts. Social Protest and Popular Disturbances in England, 1509–1640. Oxford, Clarendon Press, 1988, 354 p.
- **Mitrofanov V. P.** Agrarnye voprosy v angliiskom parlamente (vtoraya polovina XVI pervaya tret' XVII v.) [Agrarian Issues in the English Parliament (2nd Half of the 16th 1st Third of the 17th Century)]. In: Britanskii parlament vchera i segodnya [British Parliament Yesterday and Today]. Moscow, 2016, p. 55–57. (in Russ.)

- **Mitrofanov V. P.** Dinamika agrarnogo zakonodatel'stva v tyudorovskoi Anglii [Dynamics of Agrarian Legislation in Tudor England]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanitarian Sciences], 2020, no. 1 (53), p. 3–13. (in Russ.)
- Mitrofanov V. P., Aleshina E. Y. English peasants and agrarian policy of the Tudors and the first Stuarts: legislation and peasant mentality through social conflict communication (1550–1640). Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya [Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science], 2018, vol. 45, no. 1 (March), p. 49–56.
- **Mitrofanov V. P., Aleshina E. Y.** English peasants and agrarian policy of the Tudors and first Stuarts: outlines of enclosure legislation. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Istoriya. Politologiya [Belgorod National Research State University Scientific Bulletin], 2017, no. 8 (257), p. 65–70.*
- Neale J. Elizabeth I and Her Parliaments. London, Cape, 1958, vol. 2, 452 p.
- **Overton M.** Agricultural Revolution in England: The Transformation of the Agrarian Economy, 1500–1850. Cambridge, University Press, 1996, 257 p.
- **Semenov V. F.** Ogorazhivaniya i krest'yanskie dvizheniya v Anglii XVI veka [Enclosures and Peasants' Movements in 16th Century England]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1949, 372 p. (in Russ.)
- **Shtokmar V. V.** Ekonomicheskaya politika angliiskogo absolyutizma v epokhu ego rastsveta [Economic Policy of English Absolutism in the Era of its Heyday]. Leningrad, LSU Press, 1962, 154 p. (in Russ.)
- **Tawney R. H.** Agrarian Problem in the 16th Century. London, New York, Longmans, Green and C^o, 1913, 438 p.
- **Thirsk J.** Enclosures and Engrossing. In: The Agrarian History of England and Wales. Cambridge, 1967, vol. 4, p. 200–255.

List of Sources

- A Compleat Journal of The Notes, Speeches and Debates, Borth of The House of Lords and House of Commons Throughout The Whole Reign of Queen Elizabeth. By D'Ewes. London, 1693, 689 p.
- Calendar of State Papers. Domestic Series. Eds. M. A. Everett Green et al. London, H. M. Stat. office, 1856, vol. 1, 799 p.; 1867, vol. 3, 699 p.; 1894, vol. 4, 687 p.
- Calendar of The Manuscripts of The Most Honourable The Marquess of Salisbury. Preserved at Hatfield House Hertfordshire. Eds. M. S. Gouseppi, J. Mc. N. Lochie et al. London, H. M. Stat. office, 1899, pt. 7, 622 p.; 1923, pt. 14, 426 p.
- Great Britain. Privy Council. Acts of The Privy Council of England. Eds. J. R. Dasent et al. London, H. M. Stat. off., 1896, vol. 13, 507 p.; 1897, vol. 14, 450 p.; 1900, vol. 20, 409 p.; 1903, vol. 27, 412 p.
- Statutes of The Realm of England. Eds. A. Luders, T. E. Tomplins. London, 1819, vol. 4, 1275 p. Tudor Economic Documents. Eds. R. H. Tawney, E. Power. London, H. M. Stat. off., 1924, vol. 1, 389 p.

Материал поступил в редколлегию Received 30.08.2020

Сведения об авторе

Митрофанов Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и обществознание» Пензенского государственного университета (Пенза, Россия)

cnit@pnzgu.ru WoS Y-1069-2018

Information about the Author

Vladimir P. Mitrofanov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and Social Science, Penza State University (Penza, Russian Federation)

cnit@pnzgu.ru WoS Y-1069-2018